

Р. Х. КУЗНЕЦОВА

СТРАНИЦЫ ИЗ «ПОВЕСТИ ЖИЗНИ»

От редакции

Раиса Харитоновна Кузнецова (5.XII.1907—16.VI.1986) — литератор и профессиональный редактор (до войны — работник «Профиздата», в годы войны — Совинформбюро), кинодраматург (автор сценариев научно-популярных фильмов, начальник сценарно-редакторского отдела студии Моснаучфильм), член Союза кинематографистов СССР. Ею были написаны довольно обширные мемуары, условно названные «Повесть жизни» (в рукописи более 600 машинописных страниц). В 1943 г. Раиса Харитоновна (девичья фамилия — Нечипуренко) стала супругой Ивана Васильевича Кузнецова (1911—1970), с именем которого неразрывно связано становление и развитие отечественных историко-научных и историко-технических исследований, а также история ИИЕТ как самостоятельного научного учреждения.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из мемуаров, повествующих о событиях, связанных с назначением И. В. Кузнецова исполняющим обязанности директора ИИЕТ и неожиданным его уходом с этого поста. Этот рассказ — не историческое исследование, он эмоционален и открыто субъективен, но добавляет некоторые живые детали и характерные штрихи для воссоздания истории первых лет нашего Института, а также нашей общественной атмосферы сорокалетней давности.

В следующем выпуске ВИЕТ будут опубликованы отрывки из мемуаров Н. А. Фигуровского, бывшего директором ИИЕТ в 1956—1962 гг.

В 1943 г. И. В. руководил в Институте философии сектором философии естествознания, в свет вышли созданные им как составителем и редактором два тома книги «Люди русской науки»¹. Правда, летом ему нанес чувствительный удар по самолюбию С. Г. Суворов². Как заместитель начальника ОГИЗ он снял предисловие И. В., написанное им к «Людям русской науки» под названием «Характерные черты русской науки». Мотив был такой: мол, не солидно, что такое издание выйдет в свет с предисловием кандидата наук, а не академика. Ваня тяжело переживал этот удар, тем более, что предисловие, по общему мнению всех его читавших, было прекрасно написано, давало обобщающую картину всего разрозненного, казалось бы, материала. В том же году И. В. прочитал в большом зале Политехнического музея на эту тему лекцию, которую общество «Знание» издало³. Но тогда делать было нечего, был риск, найдут предлог совсем не выпустить труд. И. В. обратился с просьбой дать необходимое предисловие к академику С. И. Вавилову — президенту АН СССР, который знал И. В. и очень хорошо к нему относился еще в бытность И. В. главным редактором Гостехтеориздата. Тот, выслушав предложение, посетовал на отсутствие времени и посоветовал И. В. самому написать такое предисловие. Услышав о перипетиях этого дела возмутился, но, зная упорство наших ортодоксов и почитателей знаменитых имен, смог предложить И. В. только одно — переработать в соответствии с задачей его статью, посвященную русской и советской науке и ее достижениям, написанную в связи с 30-летием Октября. Так И. В. и сделал. Академик одобрил новую редакцию и кроме того написал к томам коротенькое вступление, охарактеризовав работу составителя — Кузнецова И. В. как большой вклад в историю науки. Впоследствии, вероятно, зимой 1950 г.⁴, по инициативе С. И. Вавилова в Ленинграде было проведено большое совещание историков науки. По поручению президента И. В. играл большую роль в организации совещания и его проведении, произнес там зажигательную речь, призывая ученых обратить самое серьезное внимание на опыт прошлого развития науки... Немало хороших отзывов услышал он на совещании о своей работе — об издании «Люди русской науки», которое к тому времени получило большую положительную прессу и одобрение научной общественности. Я тоже гордилась этой работой, принимала непосредственное участие в приглашении авторов и первоначальном редактировании. (В 1962 г. мы выпустили повторное, расширенное изда-

С. И. Вавилов. Из семейного архива И. В. Кузнецова

ние в 4-х томах.) И. В. мечтал о своей докторской диссертации, много читал, записывал формулировки и мысли, желая создать фундаментальный труд на тему «Философия и физические теории».

И вдруг однажды в конце 1948 г. он приходит очень взволнованный и расстроенный. Его вызвал к себе С. И. Вавилов и «угovorил» взять на себя заведование редакцией физики в Большой Советской энциклопедии.

— И ты согласился? — в ужасе воскликнула я.

— Да, — горько вздохнул И. В., — я не мог отказаться после того, как он сказал, что не доверяет работникам редакции и потому вынужден сам редактировать статьи по физике и весь этот раздел, помимо того, что он — главный редактор БСЭ. Я сказал, что не могу оставить Институт философии и хочу вплотную заняться докторской, а он ответил, что он — Президент Академии, директор научно-исследовательского института, главный редактор БСЭ и член редколлегий многих научных журналов. Одним словом, у него 11 должностей, которыми его вынуждают заниматься. Он сказал: «Если Вы придете в редакцию физики БСЭ, я сброшу с себя хотя бы одну нагрузку, я знаю, что мы почти единомышленники в области физики и философии. Вы почти единственный, кому я могу довериться полностью». Ну разве я мог отказаться? — воскликнул И. В.

— Да, конечно, отказаться ты не мог, но как же мы теперь будем? Если ты останешься в Институте совместителем, тебя немедленно исключат из очереди на квартиру, с твоим здоровьем ты не сможешь уделять нужного времени и сил докторской.

— Возможно, так все и будет, возможно, но я не мог отказать Сергею Ивановичу в его просьбе, — грустно заключил Ваня нашу беседу.

Вскоре он получил извещение, что его кандидатура на заведывание редакцией физики БСЭ утверждена в ЦК, и он приступил к этой работе, оставшись в Институте философии лишь совместителем. Загрузка была большая, докторская отложена «до лучших времен», а некоторое время спустя нас действительно исключили из списков на получение квартиры, а ведь мы стояли там первыми!.. Все это было тяжело и обидно, но делать было нечего. Попережидали мы после этого удара, а потом мне пришла в голову «гениальная» мысль — я стала упрашивать И. В. при встрече с С. И. Вавиловым рассказать ему о том, что из-за перехода на работу в БСЭ мы потеряли возможность получить квартиру, что семья из 3 человек живет в двух комнатах, площадью 35 метров, причем из них одна комната проходная и темная. И. В. пришел просто в ужас, услышав от меня такое «предложение» и категорически отказался от его реализации. Прошло больше года. Однажды он пришел веселый и радостный.

— Представь себе, — сказал И. В., — ты была права, мне надо было поговорить с С. И. насчет квартиры. Сегодня я был у него, он сам завел разговор, стал расспрашивать о моей семье, об условиях, в которых я живу. Услышав о том, что потерял очередь на квартиру, бук-

важно сделал мне нагоняй за то, что не сразу сказал об этом, заставил тут же написать заявление в жилищно-бытовую комиссию, на которой написал просьбу «обеспечить семью товарища Кузнецова квартирой в первом же доме, который будет сдан Центракадемстрой».

Мы радовались, но совершенно напрасно. Не раз получали письма, в которых вежливо сообщалось, что заявление наше о предоставлении квартиры «пока удовлетворить не можем, такая возможность, вероятно, представится при заселении следующей секции дома». И такая «письмук» было несколько, каждый раз, когда происходило очередное заселение. Я настаивала, чтобы И. В. рассказал об этом Сергею Ивановичу, но он считал это неэтичным. «Подождем, не могут же они не выполнить просьбу президента!» И вдруг, в январе 1951 г. Вавилов умирает — ему было всего лишь 60 лет. Кроме горя от тяжелой потери, мы понимали, что лишились и надежды на изменение условий нашей жизни. <...>

Важные события 1953 г. во многом изменили условия жизни И. В., а вскоре и моей. Летом мы вместе отдыхали на нашей даче в Пионерской (по Белорусской ж. д.). Проводили время очень весело: в походах с детьми к озеру, к Москва-реке, прогулках в лесу. И вот однажды в полдень подъезжает к даче шикарная черная машина, внутри обитая розовым сукном. Ее водитель вручает И. В. рукопись и записку от директора Института философии Г. Ф. Александрова с извинениями и просьбой срочно, в течение двух дней прочитать эту рукопись и написать по ней заключение. Это было что-то по истории электротехники. По мнению И. В., она содержала массу ошибок и он дал о ней резко отрицательный отзыв. Через два дня вновь появляется черная машина, у И. В. просят не только заключение, но и личного присутствия при обсуждении, которое состоится через час. Делать нечего! Пришлось ему поехать. Рассчитали, что на обсуждение уйдет 2-3 часа, поэтому часов в 7 вечера я уже стояла на платформе, в ожидании его приезда. Электрички подходили одна за другой, а И. В. все не было. Самые ужасные мысли приходили в голову, перед глазами витали страшные картины: вот он лежит на мостовой сбитый машиной, вот упал на улице с сердечным приступом, а бессердечные люди принимают его за пьяного и проходят мимо. Хотела уже ехать в город, искать его, но, к счастью, почти с последней электричкой он приехал. Хорошо понимая мое состояние, прежде всего просил прощения за опоздание.

— Но ничего не мог сделать. Ты обратила внимание: рукопись была безымянной. На встрече присутствовали философы: Степанян⁶, Ойзерман⁷, Глезерман⁸, я и — женщина, которую мне представили как заместителя директора Института истории естествознания и техники Валерию Алексеевну Голубовскую⁹. К моему удивлению, рукопись, которую я не мог рекомендовать ни к изданию, ни к защите, оказалась докторской диссертацией. Все философы начали ее безудержно хвалить. Представительница Института молча их слушала. Я не выдержал, стал резко возражать, обрушился на неправильность философско-исторической концепции рукописи, из которой следовало, что чуть ли не вся основная история человечества началась с изобретения генератора, указал и на другие ошибки, которыми изобилвала рукопись. Представительница Института поблагодарила участников совещания, а меня, пожимаая руку, попросила задержаться.

— Я должна открыть Вам один секрет — это моя будущая диссертация. Вы высказали много ценных замечаний. Я хотела бы продолжить нашу беседу с тем, чтобы Вы конкретно, постранично, подсказали мне, что неправильно и как следует исправить ошибки, — сказала она.

И я был вынужден сесть с ней за работу... Мы перелистали всю рукопись и почти на каждой странице я делал замечания, говорил, как следует сформулировать то или иное положение. Увидев, что уже поздно, зная, как ты волнуешься, отказался от машины (иначе она задержала бы меня больше) и, хотя работу не закончили, помчался на электричку. И знаешь, кем эта женщина оказалась? Я начал подозревать еще во время обсуждения, что автор рукописи — она и что она — «шишка». А потом еще Степанян шепнул: «Что Вы лезете на рожон? Ведь это жена Маленкова!» Но то, что она уцепилась за меня, приняла критику, а не похвалы, говорит об ее уме, в этом ей не откажешь!

— А как одета жена премьера? — поинтересовалась я.

— Довольно просто. Хорошая шерстяная юбка с пестрой шелковой кофточкой, белые туфли с белыми носочками. Ты одеваешься даже шикарнее, — засмеялся И. В.

Так вошла в нашу жизнь «жена премьера». Мы полагали, что знакомство с ней ограничится беседой по поводу диссертации, но не тут-то было!

По возвращении с дачи И. В. обнаружил пакет из Президиума АН СССР, в котором содержалось постановление о назначении «Кузнецов И. В. председателем секции истории техники Ученого Совета Института истории естествознания и техники». Удивленный И. В. был настолько убежден, что произошла какая-то путаница, что позвонил в Президиум и стал доказывать, что данное постановление не может относиться к нему, что, вероятно, имелся в виду другой Кузнецов, работающий в ИИЕТ. Но в Президиуме, просмотрев документацию, переспросили: «Вы — заведующий сектором философских проблем естествознания в Институте

философии АН?» — «Да, это я!» — «Так вот именно Вас имел в виду Президиум и никакой ошибки здесь нет».

И. В. бросился к Ученому секретарю АН А. В. Топчиеву⁹. Тот посочувствовал, но ответил так: — Поймите, чтобы именно Вас привлечь к работе ИИЕТ, хлопотала жена Маленкова. Отказаться ей у нас просто не было мотивов, ведь Вы не просто философ, а занимаетесь философией естествознания, больше того — Вы историк науки, выпустивший в свет такой труд, как «Люди русской науки». Ваша кандидатура самая подходящая. Уже договорились, что Вы займете пост заместителя директора этого Института. Надеюсь, Вы поймете и наше положение и не будете отказываться.

И как ни упирался И. В., назначение состоялось, так как «мадам» ушла в творческий отпуск, в докторантуру, и кроме И. В. Кузнецова никого не желала видеть на своем месте. А тот, будучи человеком не только творческим, но еще и очень добросовестным, вскоре поставил дело так, что большинство секторов перешло под его руководство, чем он даже, несомненно, гордился и это ему льстило. А большого объема работы он никогда не боялся, и погружился в дела Института с головой. Думать о проблемах философии, тем более писать фундаментальные труды уже не оставалось ни сил, ни времени, так что эти годы были ущербными для него в плане решения тех философских проблем, над которыми он думал. Однако для истории науки ему удалось сделать немало: организовать журнал «Вопросы истории естествознания и техники»¹⁰, выпустить ряд книг по этой тематике, начать разработку основ методологии истории науки (теперь это целый сектор, руководимый академиком Б. М. Кедровым, а заместителем его назначена наша Наташа¹¹). Когда И. В. пришел в Институт, его возглавлял член-корр. А. М. Самарин. После его ухода¹² директором был назначен И. В.

И. В. опять протестовал, но это опять не помогло. А. В. Топчиев при всем хорошем отношении к И. В. не мог его понять: «Вы будете хозяином, в Вашем распоряжении будет весь штат Института, Вы прекрасно в этих условиях напишете свою докторскую».

Топчиев не учитывал характер И. В., его щепетильность, полное нежелание использовать в личных целях «штат», а главное — его исключительную добросовестность, при которой у И. В., теперь думающего прежде всего о новом размахе деятельности Института, просто не хватало никакого времени и здоровья для личной научной работы.

Никто, и прежде всего сам И. В., не учитывал, что «мадам» будет курировать деятельность дирекции ИИЕТ, полагая, что она как «жена премьера» имеет на это полное право. Правда, она в тот момент находилась в творческом отпуске, полученном за счет государства. Она, кстати говоря, не могла отказаться от двух тысяч рублей положенной ей стипендии, хотя как-то проговорилась, что давно уже кладет свои деньги на текущий счет внука («30 тысяч, получаемых Маленковым, семье хватает!...»).

В первое время после назначения И. В. директором в их отношениях царила идиллия. Голубцова очень благоволила к И. В. и не раз приезжала на своей шикарной машине (кажется, это был черный «ЗИМ») к нам на дачу в Пионерской, благо их казенная дача находилась в том же направлении — в Жаворонках. Не раз катала на машине наших ребятишек. Но разницу во взглядах на жизнь мы начали ощущать еще за чайным столом.

Помню, зашел как-то разговор о положении учителей в стране.

— Низкий уровень жизни учителей тяжело отразится со временем на воспитании всего народа, — взволнованно говорил Ваня. — Кому-кому, а учителю надо платить больше, чтобы он мог прилично одеваться, покупать нужную литературу. Надо как-то продумать систему снабжения учителей, чтобы они не стояли в очередях вместе с учениками и их родителями, это роняет их престиж.

— Ерунда, — отвечала Валерия Алексеевна, — надо просто с них больше спрашивать, усилить контроль за школами. Вы говорите, что средний заработок — 300 рублей? Это неплохо, у рабочих только 650, надо им подтягивать.

— Это правильно, но согласитесь, что плохо воспитанный и малобученный слабым учителем рабочий этим средствам не найдет другого применения, кроме как на водку. А одаренные люди, которые могут быть прекрасными учителями, не могут обречь себя на полуголодное существование. Поэтому в пединституты идут в основном слабые выпускники школ, главным образом, девушки, а нужен школе — мужчина-воспитатель.

Я была целиком согласна с И. В., вставляла свои реплики, поддерживая его аргументы, но Валерия Алексеевна зысмеивала нас. Так и разошлись непереубежденные — ни мы, ни она.

В другой раз И. В. стал удивляться в ее присутствии тому, что строя огромный Московский университет в большом отдалении от города, не подумали о транспорте.

— Надо было сразу строить метро, — убеждал он.

— Все студенты должны были жить в общежитиях, — возражала она.

— Но это была утопия, которая сразу же рухнула. Общежитий построили на 6 тысяч мест, студентов приняли 13 тысяч, а каково преподавателям, которые живут в разных частях города? Вот и мучаются все!

И. В. Кузнецов и Р. Х. Кузнецова. Апрель 1959 г. Фото С. Т. Мелюхина

— Ничего! Молодежь потерпит и педагоги тоже. Скоро туда трамвай проведут.

— Как трамвай?! Ведь тогда у людей будет пропадать уйма времени, — возмущался он.

— Ничего, пустяки! Зато это наиболее дешевый для строительства транспорт. Я, когда была директором МЭИ, провела к институту трамвай, и все были довольны.

Несмотря на такие разногласия, она продолжала благоволить к И. В. настолько, что когда в январе 1955 г.¹³ во время Пленума ЦК, проходившего на Старой площади, Маленкова как премьера подвергли серьезной критике, она допоздна сидела в кабинете И. В. (окна выходили как раз на здание ЦК), плакала у него на плече и твердила:

— Нас теперь сошлют, сошлют из Москвы!

Удивленный таким предположением, Ваня всячески утешая ее, говорил, что этого не может быть, но она не верила и твердила свое. Только потом мы поняли, почему. Разоблачения, сделанные Хрущевым на XX съезде партии в 1956 г., показали неблагоприятную роль Маленкова в организации всякого рода процессов против так называемых «врагов народа». Верный ученик вождя и последователь методов расправы с неугодовившими ему людьми и теми, кто был в их окружении, — методов, которые насаждал сам Сталин. Ежов, Ягода и особенно Берия, люди, подобные Маленкову, не мыслили иного исхода, кроме как ликвидацию или ссылку тех, кто пригнулся не ко двору, кто не повторял рабски их «истин», кто вступал в споры и имел свою точку зрения...

Совсем другой предстала перед И. В. мадам Голубцова, когда Маленков, после всей этой критики, был снижен всего лишь на одну ступеньку — т.е. стал не председателем Совета министров, а его заместителем. Она почувствовала себя вновь принадлежащей к правительственной элите. Возможно, что памятуя о своей «слабости», проявленной в присутствии И. В., она вдруг очень переменялась к нему. Стала сухой, неприступной. Теперь уже ни одно заседание дирекции не проходило без ее участия, хотя формально она в этот период не имела отношения к делам Института, продолжала пребывать в творческом отпуске.

Ваня часто говорил мне:

— Не пустить ее на заседание мне просто неудобно, она же бывший заместитель директора и явно собирается вновь вернуться на этот пост. Я же мечтаю, что защитив диссертацию, она согласится занять пост директора... Так я там устал, так хочу вернуться в Институт философии!..

А пока с Голубцовой у него начались трения, сначала мелкие, а потом и крупные. Придиралась буквально к каждому решению дирекции, требовала, чтобы эти решения были сформулированы в ее собственном стиле и духе. Тяжелый конфликт возник при обсуждении итогов конкурса на замещение вакантных мест в ИИЕТ летом 1955 г.¹⁴ Она заявила прямо и недвусмысленно, что «еврея Бляхера» нельзя привлекать в Институт, что аргументы о его большом научном потенциале несущественны. И. В., возмущенный такой постановкой вопроса, ответил:

— Ленин учил нас прежде всего оценивать деловые качества, а не принадлежность к той или иной нации.

— Вы плохо разбираетесь в политике партии, — бросила она ему.

— Я не думаю, что она может противоречить учению Ленина! — резко возразил И. В. и тут же продирижовал секретарию дирекции решение о зачислении Бляхера в штат Института.

— У нее красные пятна пошли по лицу, — отметил он, рассказывая мне об этом эпизоде. Я схватила за голову:

— Боже мой, эти красные пятна дорого могут тебе обойтись, — закричала в испуге.

— Пока я директор, командовать собой не позволю! — заключил он этот разговор...

Не страх, а какое-то предчувствие неприятных последствий этой стычки охватило меня. Но возражать не стала. Принципиальность И. В. не терпела компромиссов, я это знала, тем более, что и сама была целиком согласна с его точкой зрения на антисемитов. Он их ненавидел. <...>

Валерия Алексеевна с ее явно выраженным антисемитизмом отныне навсегда испарилась из его сердца. Он радовался, что после той стычки она явно демонстративно перестала посещать заседания дирекции. Однако отказаться от прочтения законченной диссертации Голубцовой И. В. не смог. Слишком интересно было узнать, учла ли она его замечания и что вообще у нее получилось. Диссертация «не блистала оригинальностью идей» (так сказал И. В.), но замечания были учтены, и она получилась вполне добросовестной. К концу 1955 г. В. А. защитилась и тут же вернулась на работу в Институт. И. В. сразу же предложил ей пост директора, так тяготила его эта должность, мешавшая основной научной работе по философии, но она категорически отказалась. Ее вновь назначили заместителем директора. И. В. понимал, что рано или поздно они опять столкнутся, слишком по-разному они подходили к оценке одних и тех же людей и явлений. Но весь конец 1955 и начало 1956 гг. царил мир, тем более, что Валерия Алексеевна не утруждала себя частыми посещениями Института, на что И. В., естественно, предпочитал закрывать глаза...

То, что назревало, произошло после XX съезда. В соответствии с его решениями, И. В. был «мобилизован» в группу ученых, которые имели задание в самые короткие сроки создать учебное пособие по философии. Всех их освободили от основной работы и поселили в санатории «Узкое» под Москвой, дабы ничто их не отвлекало от работы над учебником. Голубцова была назначена и.о. директора. В тот же вечер я стала свидетелем телефонного разговора И. В. с ней, страшно его расстроившего. Из его фраз я не совсем уяснила, в чем было дело. Когда он, взбешенный, повесил трубку, я спросила, о чем шла речь. Оказывается: сотрудники Института обнаружили в архивах СССР неизвестные доселе письма Дарвина и готовили их для публикации в очередном номере «Вопросов истории естествознания и техники». Кроме того, готовились и другие материалы по истории русско-английских научных связей. Прослышав о скором отъезде Хрущева и Булганина в Англию, И. В. договорился с группой, готовящей эти публикации, о таком срочном выпуске журнала, который дал бы возможность послать этот номер в Англию с членами правительственной делегации, за что обещал группу премировать. Группа не подвела. Работу сделали досрочно. <...> В связи с отъездом в «Узкое» И. В. решил напомнить Голубцовой о премировании группы и просил сделать это на очередном заседании редколлегии. На что она ответила, что не сделает этого, а на вопрос «Почему?» ответила: «Это их обязанность!»

— Но они делали эту работу по ночам, в два раза быстрее обычного!

— Ну и что? Все обязаны так работать!

В общем уговорить он ее не смог, уехал расстроенный. А через несколько дней, поздно вечером, появился дома — такой довольный, сияющий.

— Какими судьбами? — воскликнула я, бросаясь его целовать.

— А я был на заседании редколлегии нашего журнала.

— Зачем? — упавшим голосом спросила я, предчувствуя какую-то беду.

— А затем! Приехал и лично похвалил группу, выпустившую досрочно журнал, извинился перед ними, что, не будучи в настоящее время директором, не могу выполнить своего обещания о премировании.

— А она была?

— Да, была!

— Ну и как реагировала?

— А как всегда — красными пятнами по лицу...

— Ну как ты не понимаешь, что ты оскорбил ее в глазах присутствующих. Ведь все понимают, что ты не мог не говорить с ней о премии, — чуть не плача твердила я, предчувствуя беду.

А он только рассмеялся:

— Капризных женщин надо учить, если они берутся руководить делом. Знаешь, как она переживала, что профессор Белькинд с ней не здоровается. Не раз мне на это жаловалась. Я был удивлен поведением этого весьма воспитанного человека. Спрашиваю: «Лев Давидович,

что это говорят. Вы не здороваетесь с Валерией Алексеевной?» А он отвечает: «Я не могу здороваться с женщиной, из-за которой в конце 40-х годов погибла чуть не сотня ученых МЭИ, из них много моих лучших друзей, ни в чем не повинных, теперь полностью реабилитированных».

— Но он же не сказал ей этого в глаза?

— Конечно, нет!

— А ты оскорбил ее лично, она отомстит.

— Слава Богу, теперь не 30-е годы, и был XX съезд, — оптимистично закончил он этот разговор. Утром уехал в «Узкое».

Через день-два И. В. появился дома, на квартире. Вид его был ужасен: бледный, как смерть, дыхание тяжелое, прерывистое. Уложила в постель, вызвала «неотложку». Определили: гипертонический криз (ничего подобного давно не было, очень помогли лекарства, привезенные П. Н. Федосеевым¹⁵ из Парижа, а потом появился резерпин). Когда И. В. пришел немного в себя, рассказал: вызвали на парткомиссию, присланную из РК КПСС, и зачитали уже сделанные выводы по оценке его работы в Институте. Обследование проводили без его участия; в выводах ему инкриминировали не просто огромное количество упущений, а множество «преступлений». Для него, человека совершенно невинного, это явилось колоссальным ударом, эта подлость была особенно больно. Сама «мадам» как бы устранилась на это время — вроде бы заболела, на работу не ходила, но все, что там было записано, все это было продиктовано ею. Так мы позорились с самого начала, и это потом подтвердилось на заседании райкома, срочно поставившего вопрос «о деятельности И. В. Кузнецова» на свое обсуждение, минуя парторганизацию ИИЕТ. Его обвиняли, например, в том, что он привлек к работе «из корыстных целей» Б. М. Кедрова. И. В. возражал: «Кедров — член-корреспондент АПН (единственный в Институте), председатель Комиссии по изучению наследия Д. И. Менделеева, автор многих известных работ о Менделееве, какая мне корысть, это только почетно для Института». В ответ второй секретарь райкома Боброва, ведшая заседание, буквально кричала: «Конечно, корысть, ведь он будет Вашим оппонентом на защите докторской!»

— Да где бы ни работал Кедров, — отвечал И. В., — он был бы моим оппонентом, так же, как и Омеляновский¹⁶, ибо в области философских проблем естествознания работаем пока только мы.

Ему бросали новое «обвинение»:

— Вы разрешили профессору Зубову засчитать его изданную книгу как внеплановую, и он получил поэтому гонорар!

И. В. объяснял:

— Зубов записал в план-карту часть своего большого труда — 15 листов, но поскольку сверх этого он выполнил по заданию Института другой работы в 30 листов, дирекция сочла возможным, и нам дано на это право, засчитать эту работу как плановую, а записанную ранее перевести во внеплановую.

Его обвиняли также в том, что он привлек к работе в Институте директора издательства Физматлитературы Г. Ф. Рыбкина, хотя последний зарплаты в Институте не получал.

— Говорят, он Ваш хороший знакомый? — ехидно вопрошала Боброва.

— Он — великолепный математик, а что касается знакомых, я знаю и знаком со всеми, кто работает в области философии естествознания.

Много еще было таких пунктов «обвинений», но особенно, по мнению обвинителей, его обличал один пункт — об использовании труда Г. Н. Горнштейн.

Эту женщину, 17 лет проведенную в концлагере, в прошлом профессора, у которой одно время учился Кедров, И. В. принял в Институт действительно из жалости. Она была из Ленинграда, но по каким-то причинам после реабилитации туда не вернулась, а застряла в Мытищенской больнице, где работала санитаркой. Кедров случайно встретил ее и попросил И. В. взять с Института как человека, великолепно знающего несколько иностранных языков. ИИЕТ нуждался в переводчиках, было много нужных книг по профилю историко-научных исследований, которые следовало перевести. Этим она и занималась, переводы ее поступали в библиотеку Института, где с ними могли ознакомиться все, кто там работал. Но, желая «пришить» И. В. хоть какое-либо дело, пахнувшее использованием служебного положения, Горнштейн принудили сказать, что «переводы делались лично для Кузнецова». (Она потом очень мучила И. В. своим рассказом в совершенной лжи, объясняя это испугом, так был силен нажим на нее...) Никого не смутило то, что переводы были на учете в библиотеке Института и все они были при проверке налицо. Обвинение было сфабриковано. И. В. отвел и его приведенными выше аргументами, но все его слова как бы повисали в воздухе. Его не слушали, перебивали, возмущались тем, что «смеет защищаться».

В конце концов его признали «виновным» и предложили вынести строгий выговор с занесением в личное дело. Попытки И. В. опротестовать строгость наказания вызвали возмущение Бобровой и ее громкую реплику:

— Будьте благодарны, что оставляем Вас в партии. Товарищ Голубцова звонила и требовала Вас исключить.

Вот так в конце концов вылезли на свет «ослиные уши» организатора этой травли, не противившего И. В. самостоятельной линии поведения. Обманула ее проницательность: она воображала, что этот мягкий на вид, деликатный и предупредительный человек с голубыми, ясными глазами будет игрушкой в ее руках. Но он оказался железным и принципиальным, и тогда она жестоко ему отомстила. Расстроенный И. В., как только оправился от приступа гипертонии, уселся писать «кассацию» на решение РК в МК. И тут мне рассказали, что секретарь МК Е. А. Фурцева — близкая приятельница Голубцовой, и я решительно отсоветовала И. В. жаловаться в горком, так как уж там-то Валерия Алексеевна наверняка добилась бы его исключения. Поразмыслив, И. В. со мной согласился и уже написанное заявление осталось дома, нам «на память».

Возвратившись в «Узкое», он заявил руководителю авторского коллектива Ф. В. Константинову, что отказывается от продолжения работы, да и не должен он писать учебное пособие, создаваемое по решению XX съезда партии, потому что получил такое строгое партийное взыскание. Но все¹⁷ — Константинов, Федосеев, Копнин, Каммари, Розенталь, Глезерман, Шишкин и Берестнев — все в один голос заявили, что они верят в него, знают его как честнейшего коммуниста, а посему об отстранении его от авторства не может быть и речи.

Константинов только и сказал ему:

— Ну зачем ты поехал на заседание райкома! Ты мобилизован съездом, и незачем тебе было отвлекаться. Если бы приехали за тобой, мы бы им такой «разговор» устроили, что они не знали бы, куда и деваться. Но жалобу, конечно, напиши.

И. В. рассказал, что заявление написал в горком, но узнав, что Фурцева — близкий друг Голубцовой, подать его не решился, зная, что та может добиться исключения. И Константинов согласился с этими доводами, с тем, что своей работой И. В. докажет свою правоту больше, чем протестами.

— Пройдет год-два, — твердила я, — и ты снимешь свой выговор, а так может быть еще хуже, «закадычная подружка» найдет повод выполнить желание Валерии Алексеевны о твоём исключении.

Но И. В. все же колебался, возмущала полная несправедливость оценки его беззаветной работы на благо Института. Лишь новый гипертонический криз подкосил его настолько, что он вовсе перестал об этом думать и говорить. Врачи «Узкого» хотели даже отправить его в больницу, но он категорически отказался. И в таком состоянии, лежа в постели, вынужден был писать свои главы для книги, так как сроки ее выпуска поджимали. При очередном обсуждении его глав (а каждая обсуждалась авторским коллективом) Константинов с упреком сказал остальным товарищам:

— Вот если бы мы все могли писать так ясно, просто, доходчиво и глубоко, как И. В., насколько быстрее пошла бы наша работа!

Большая товарищеская поддержка, оказанная этим авторским коллективом, Президиумом Академии наук, который, учитывая совершившееся, день в день освободил И. В. Кузнецова от обязанностей директора ИИЕТ и перевел его на работу заведующего сектором философских проблем естествознания Института философии, — все это придало И. В. большие силы, окрылило и помогло не отстать от коллег в создании глав для книги «Основы марксистско-ленинской философии»¹⁸. А мне пришлось заниматься ликвидацией его взаимоотношений с прежним Институтом, произвести окончательные расчеты по зарплате... <...>

* * *

К сожалению, эхо этой служебной истории было все-таки для И. В. Кузнецова трагическим: 1 июня 1957 г. произошел инфаркт. А ведь ему было тогда всего 46 лет!

Примечания.

- 1 Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Составитель и редактор И. В. Кузнецов. В 2-х тт. М.-Л., 1948.
- 2 Суворов Сергей Георгиевич (род. 1902 г.) — специалист в области философских проблем естествознания. В годы войны — зав. отделом науки ЦК ВКП(б). Один из старейших работников Издательства физико-математической литературы, член редколлегии журнала «Успехи физических наук», более 30 лет — заместитель главного редактора УФН. Близкий знакомый И. В. Кузнецова.
- 3 Кузнецов И. В. Характерные черты русского естествознания (Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве). М., 1948. — 32 с.

- 4 Это неточно. Совещание происходило 5—11 января 1949 г. В стенограммах Совещания, кстати, нет текста выступления И. В. Кузнецова.
- 5 Степанян Цолак Александрович (р. 1911) — специалист в области исторического материализма и научного коммунизма. Доктор философских наук, профессор. С 1946 по 1964 гг. — зам. директора Института философии АН СССР, член-корреспондент АН СССР с 1964 г.
- 6 Ойзерман Теодор Ильич (род. 1914 г.) — специалист в области истории философии, теории познания, социальной философии. Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1966), академик АН СССР (1981).
- 7 Глезерман Григорий Ерухимович (1907—1980) — специалист в области исторического материализма и научного коммунизма. Доктор философских наук, профессор. После войны — старший научный сотрудник Института философии АН СССР, с 1955 г. работал в АОН при ЦК КПСС (проректор с 1975 г.). Лауреат Сталинской премии (1951).
- 8 Голубцова Валерия Алексеевна (1901—1986) — кандидат технических наук, заместитель председателя Комиссии по истории техники, с 1953 г. зам. директора Института истории естествознания и техники. Подробнее о ней см.: ВИЕТ. 1993. № 4. С. 101—105.
- 9 Топчиев Александр Васильевич (1907—1962) — академик, химик-органик, зам. министра высшего образования СССР (1947—1949). В 1949—1958 гг. был главным ученым секретарем Президиума АН СССР.
- 10 Это неточно. И. В. Кузнецов создал не журнал, а периодический ежеквартальный сборник «Вопросы истории естествознания и техники». В 1956 г. увидел свет его первый выпуск (29 п. л., тираж 3000 экз.). Редакционная коллегия этого выпуска: И. В. Кузнецов (главный редактор), В. А. Голубцова, А. Т. Григорьян, А. А. Зворыкин, В. П. Зубов, Б. М. Кедров, И. Я. Конфедератов, С. Р. Миклушинский, И. А. Поляков, А. М. Самарин, Б. С. Сотин, А. В. Топчиев, Н. А. Фигуровский, С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич.
- 11 Сектор «История науки и логики» создан в ИИЕТ в 1974 г. академиком Б. М. Кедровым. С 1985 г. сектор возглавляет А. А. Печенкин. С 1982 по 1985 гг. зам. сектора — м. н. с., к. ф. н. Н. И. Кузнецова.
- 12 А. М. Самарин перешел на работу в Институт металлургии им. А. А. Байкова АН СССР в 1955 г. Подробнее см.: ВИЕТ. 1993. № 4. С. 104.
- 13 Неточно. Пленум ЦК с критикой Г. В. Маленкова состоялся в июле 1955 г.
- 14 Не совсем точно. Конкурс на замещение вакантных мест в ИИЕТ происходил в мае 1955 г.
- 15 Федосеев Петр Николаевич (1908—1990) — специалист в области социальной философии, исторического материализма. Доктор философских наук, профессор. Директор Института философии АН СССР (1955—1962), директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1967—1973). Член-корреспондент (1946), академик АН СССР (1960). Вице-президент АН СССР (1962—1967, 1971—1988).
- 16 Омеляновский Михаил Эразмович (1904—1979) — видный специалист в области философских проблем естествознания. Доктор философских наук (1946), директор Института философии АН УССР в Киеве (1946—1955). Академик АН УССР (1948), член-корреспондент АН СССР (1955). С 1955 г. — зам. директора, с 1964 г. — зав. отделом философских проблем естествознания Института философии АН СССР.
- 17 Члены авторского коллектива учебника «Основы марксистской философии»: Константинов Ф. В. — чл.-корр. АН СССР (руководитель); Берестнев В. Ф. — д. ф. н.; Глезерман Г. Е. — д. ф. н.; Каммари М. Д. — чл.-корр. АН СССР; Розенталь М. М. — д. ф. н.; Копкин П. В. — д. ф. н.; Шишкин А. Ф. — д. ф. н.; Федосеев П. Н. — акад. АН СССР. Первое издание учебника вышло в 1958 г., второе — в 1962 г.
- 18 Главы, которые написал И. В. Кузнецов: «Материя и формы ее существования» (гл. III), «Материя и сознание» (гл. IV).

Публикация и примечания Н. И. Кузнецовой

